

На правах рукописи

Барышников Антон Ералыевич

ГОРОДА ЮГО-ВОСТОКА РИМСКОЙ БРИТАНИИ I–II ВВ.
КАК ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история
(история древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Казань
2016

Работа выполнена на кафедре истории Института Истории и Права ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского».

Научный руководитель:

Межеричкий Яков Юрьевич, доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры истории ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»

Официальные оппоненты:

Парфёнов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Отечества и культуры ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.»

Доманина Светлана Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина»

Ведущая организация:

ФГБУН «Институт Всеобщей истории РАН»

Защита состоится «16» февраля 2017 г. в 10-00 на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 при Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420111, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, аудитория 502.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ул. Кремлёвская, д. 35, читальный зал №1). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета <http://www.kpfu.ru> и на официальном сайте Высшей Аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ <http://www.vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета:

доктор исторических
наук, профессор

Синицын Олег Владимирович

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Вопросы зарождения и развития городов юго-востока римской Британии относятся к числу наиболее актуальных проблем новейших романо-британских исследований. Без изучения урбанизации и агломераций выбранного региона невозможно понять, как завоёванные земли превратились в часть римского мира, царства стали провинцией, а средиземноморская античная цивилизация распространилась на далёком, поначалу неприветливом острове от Кента до Эссекса.

Исследование культурного взаимодействия в городах провинции помогает преодолеть фундаментальные противоречия, возникающие в современной историографии в связи с интерпретацией и оценкой римского периода в истории Британии. Они особенно отчётливо заметны в споре «романизаторов» и «постколониалистов», по-разному понимающих последствия римского завоевания и вызванных им культурных процессов.

Кроме того, изучение имперского опыта Рима и его политики на покорённых территориях приобретает всё большую общественно-политическую актуальность. Значение Рима для будущих западноевропейских государств и культур сложно переоценить — они выросли из семян, посаженных в почву Империи¹. Особую роль римское наследие сыграло в жизни бывшей Британской империи. Политическая и интеллектуальная элита Альбиона часто позиционировала себя наследницей Рима и античного мира, конструировала мифы и идеологические образы, связывающие островную державу с древней империей и классической культурой². Эти мифы, в свою очередь, оказывали серьёзное влияние на исследователей северной провинции Рима, особенно в XIX – пер. пол. XX вв. Тем более важно не только дальнейшее критическое изучение римской Британии, но и свободная от колониальных и постколониальных комплексов строго научная оценка реального вклада Рима в развитие региона.

Римская империя по сей день остаётся уникальным политическим, экономическим и культурным феноменом, ориентиром и примером, «образцовой державой», которая не просто покорила территории от Британии до Сирии, но объединила их, создав пространство взаимодействия самых разных культур³. Это сближает её не только с империями нового

¹ Подробнее о значении Рима для европейской цивилизации и метаморфозах восприятия римского опыта западными культурами см.: Кнабе Г.С. Европа с римским наследием и без него. СПб., 2011 (особенно — с. 95–106); Wagner P. Romano-European continuities: conceptual and historical questions // Roman empire in context: historical and comparative perspectives / J.P. Arnason, K. Raaflaub (eds.). L., 2011. P. 387–406.

² Hingley R. Roman officers and English gentlemen. The imperial origins of Roman archaeology. L., 2000. P. 1–16; Mattingly D. Imperialism, power and identity. Experiencing the Roman empire. Princeton, 2011. P. 3ff.

³ Махлаюк А.В. «Архетипическая империя» в контексте современного империализма (N. Morley. Roman empire: roots of imperialism. L.–N.Y., 2010) // ВДИ. 2012. № 1. С. 222–223.

времени, но и с современным миром, переживающим всестороннюю глобализацию. Лондиний II в., заселённый выходцами из Африки, Италии, Галлии и Греции, кажется намного более близким современному мультикультурному Лондону, чем Лондону времён Чосера. Таким образом, исследуя римский империализм (и его конкретные проявления на Альбионе), мы приближаемся к более точному пониманию держав нового и новейшего времени, к осмыслению феномена империи и её роли в процессах культурного взаимодействия⁴.

Дополнительным аргументом в пользу актуальности диссертационного исследования может служить недостаточная изученность избранного круга проблем. В британском антиковедении существует несколько работ общего характера, множество исследований конкретных памятников и аспектов романо-британского урбанизма, однако нет ни одного труда, в фокусе которого находились бы города юго-востока провинции. Недостаточно внимания городам острова уделено и в работах других европейских исследователей⁵. Не лучше ситуация и в русскоязычной науке: за исключением нескольких публикаций, посвящённых Лондинию и Камулодуну, урбанизация региона остаётся неизученной проблемой.

Объектом исследования является римская Британия I–II вв. **Предметом** — города юго-востока провинции и процессы взаимодействия культур в регионе.

Цель диссертационной работы — выявить специфику развития городов юго-востока римской Британии как центров взаимодействия культур. Для достижения сформулированной цели требуется решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать историографию, посвящённую проблемам культурного взаимодействия в римской Британии (в частности, ход и основные итоги дискуссии о романизации), рассмотреть научную литературу, связанную с изучением процесса урбанизации и жизни городов римской Британии, выявить основные подходы, определить перспективные направления исследования;

2. Исследовать развитие колонии в Камулодуне, первом городском поселении ветеранов в провинции, и сравнить его с другими, основанными через несколько десятилетий колониями ветеранов острова (Глевом и Линдом);

3. Изучить жизнь Веруламия, единственного муниципия провинции, определить специфику его развития, соотношение римских и бриттских элементов в жизни города;

4. Рассмотреть эволюцию Лондиния, выявить возможные причины его возникновения и факторы, определившие ведущее положение в провинции;

⁴ Gosden C. Archaeology and colonialism. Cultural contact from 5000 BC to the present. Cambridge, 2004. P. 41–81; Morley N. The Roman empire: roots of imperialism. L.–N.Y., 2010. P. 1–13, 102–127.

⁵ Из публикаций последних десятилетий, пожалуй, можно выделить лишь краткий обзор в книге Кая Бродерзена: Brodersen K. Das römische Britannien: Spuren seiner Geschichte. Darmstadt, 1998. S. 154ff.

5. Выявить общее и особенное в процессах возникновения городов на территории Южного царства, уделив особое внимание фигуре Тиберия Клавдия Тогидубна, правителя, сыгравшего значительную роль в процессе урбанизации и романизации региона;

6. Реконструировать идентичности населения указанных городов, выявить процессы взаимодействия культур, происходившие в каждом из них и сравнить полученные результаты для выявления закономерностей развития центров урбанизации юго-востока Британии, определения общего и особенного в истории городов региона.

Методологическая основа исследования состоит из общенаучных (включает количественный, описательный методы, анализ и синтез, дедукцию и индукцию) и специально-исторических методов. Фундамент работы составляет историко-критический метод, заключающийся в критическом рассмотрении имеющегося корпуса источников в общеисторическом, политическом, социально-экономическом и культурном контексте.

Необходимо ясно определить концептуальные подходы и важнейшие термины. В основе нашего исследовательского подхода лежит концепт **взаимодействия культур** — комплексного и динамичного феномена, включающего множество диалектически взаимосвязанных процессов и явлений. К числу этих процессов относятся романизация, сохранение местных традиций, смешение (синтез) культур, уничтожение и вытеснение местных культур, а также ненамеренные изменения экологии и демографии.

Среди указанных процессов наиболее упоминаемым в научной литературе и в то же время спорным является **романизация**. Традиционная концепция романизации как универсального термина для обозначения культурных процессов в провинциях подверглась в последние десятилетия обоснованной критике. Но факты распространения новой цивилизации и культуры, изменения всего строя жизни на завоёванных Римом территориях отрицать невозможно. В ходе завоевания Британии и других стран распространялась римская культура, к тому времени уже подвергшаяся сильнейшему влиянию греческой. В эпоху Империи она стала частью сплава культур всего Средиземноморья. Облик новой цивилизации определялся постоянным взаимовлиянием, распространением, перетеканием в пространстве и времени традиций десятков народов, оказавшихся в составе единой Римской державы⁶. Романизация Британии была прежде всего процессом воздействия на неё новой диффузной имперской культуры, в которой преобладали римские и греческие традиции. При этом центральная роль Рима, римской системы ценностей и государственности является

⁶ См.: Махлаюк А.В. Римская империя как пространство кросс-культурных коммуникаций // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в пространстве и времени. Нижний Новгород, 2012. С. 40–48. О формировании Империи как качественно новой государственности Рима, а также политический и культурной среды см.: Межеричский Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 776–800.

достаточным основанием для обозначения этого сложного феномена как «романизации».

Стоит отметить, что под «романизацией Британии» подразумеваются как минимум два явления, схожих по форме, но различных по времени и содержанию. Первое относится к периоду между походами Цезаря и вторжением Клавдия. Инвентарь погребений представителей местной аристократии в Лексдене, Стэнвее и Фолли Лейн, латинские легенды монет бриттских царьков — всё это показывает, что уже на рубеже эр часть местной элиты не только была знакома с римской культурой, но вольно или невольно подвергалась её влиянию.

Второй, качественно отличный, вариант романизации — распространение имперского образа жизни после создания провинции. Этот процесс проходил несколькими путями. С одной стороны, лояльные Риму аристократические семьи получали права гражданства, перенимали римские привычки и встраивались в новую систему власти (Tac. Agr., 21; Martial., ep. XI, 53; RIB, I, 67, 87, 91, 191). С другой, элементы имперского этоса, традиции, технологии перемещались на остров вместе с торговцами, ремесленниками, чиновниками, военными, часть из которых оставалась здесь в качестве ветеранов. Это были люди различных сословий и статусов, вплоть до рабов, и авантюристы всех мастей. Составной частью романизации была латинизация — распространения латинского языка на острове.

С названными процессами не следует смешивать «романизирование» — политику провинциальной администрации, направленную на приобщение покорённых племён к римской культуре и образу жизни. Изначальное завоевание создало необходимые предпосылки, политика романизирования способствовала романизации. При этом насилие и принуждение были лишь одним, и не самым важным фактором. Главная сила, объединявшая Империю, заключалась в её экономической и политической привлекательности для подчинённых народов и их элит. В первую очередь это характерно для западных провинций (в том числе для Британии).

Магистральной задачей нашего исследования оказывается выявление и реконструкция указанных процессов в их взаимодействии. Для этого представляется целесообразным привлечь ещё один теоретический инструмент, получивший распространение в новейших романо-британских исследованиях, — **концепт идентичности**. Изменение идентичности становится результатом взаимодействия культур; в самом общем виде идентичность можно определить как результат самоидентификации человека, ответ на вопрос: «Кем ты являешься»⁷. Она не даётся раз и навсегда от рождения (хотя в случае с традиционными обществами бриттов фактор происхождения и родовых связей играл важную роль), не является статичной, но меняется в процессе деятельности и взаимодействия с другими

⁷ Hill J.D. Romanisation, gender and class: recent approaches to identity in Britain and their possible consequences // Britons and Romans: advancing an archaeological agenda / S. James, M. Millett (eds.). York, 2001. P. 14.

людьми. Идентичность связывает воедино все аспекты существования человека: происхождение и семью, язык, гендер и возраст, социальный и правовой статус, профессиональную деятельность, религиозные представления, связь с властью⁸. Она проявляется в повседневной жизни: в одежде, соблюдении гигиены, медицинском уходе, обращении с телом после смерти, в еде, в удовлетворении социальных и духовных потребностей, в способах организации жилого и нежилого пространства.

Особого внимания заслуживает ключевой термин всех исследований романо-британского урбанизма. **Городом**, на наш взгляд, следует считать моноцентрическое поселение с территорией, ограниченной стенами и земляными укреплениями, играющее роль центра торговли и ремесла и имеющее административные функции. Города провинции качественно отличаются от бриттских *oppida* (так в британской историографии обозначаются поселения доримского времени), полицентрических поселений без регулярной планировки и чётко ограниченной площади, жители которых были заняты сельским хозяйством.

В нашей работе исследуются крупные города юго-востока Британии: Камулодун, Веруламий, Лондиний, Каллева, Новиомаг, Вента бельгов и Дуроверн. Их можно разделить на несколько подгрупп. К первой относятся поселения с особым, привилегированным статусом — колония ветеранов в Камулодуноне и муниципий Веруламий, расположенные на землях бывшего Восточного царства. К этой же подгруппе стоит присоединить Лондиний, крупнейший город Британии и центр провинции. Вторая представлена центрами *civitatum*, провинциальных административных единиц, созданных римскими властями на территории Южного царства и Кантия (Дуроверн кантиаков, Каллева атребатов, Вента бельгов, Новиомаг регнов).

Хронологические рамки. В фокусе исследования находится период существования единой провинции на острове. Он начинается с вторжения Клавдия в 43 г. и заканчивается административным переустройством Британии при Каракалле (между 212 и 217 гг.)⁹. К началу III в. процесс урбанизации провинции в общих чертах завершился. Специфика дальнейшего развития городов юго-востока, обусловленного административным переустройством региона, кризисными явлениями в Империи и самой провинции, составляет проблему, заслуживающую отдельного исследования.

Территориальные рамки. В диссертации исследуется развитие ряда крупных поселений римской Британии: Дуроверна, Новиомага, Каллевы, Венты бельгов, Лондиния, Веруламия, Камулодуна. Эти города были расположены на юго-востоке острова, в областях, заселённых племенами кантиаков, атребатов, катувеллаунов и триновантов. В целом исследуемая в работе территория совпадает с границами трёх административных регионов

⁸ Mattingly D. Being Roman: expressing identity in a provincial setting // Journal of Roman Archaeology. 2004. Vol. 17. P. 11; Mattingly D. An imperial possession... P. 18.

⁹ Возможные датировки административной реформы Северов см.: Birley A. The Roman government of Britain. Oxford, 2005. P. 333–336.

современной Англии: Юго-восточной Англии (графства Беркшир, Бэкингемшир, Хэмпшир, Восточный Сассекс, Западный Сассекс, Оксфордшир, Кент, Суррэй, остров Уайт), восточной Англии (графства Бедфордшир, Кембриджшир, Хартфордшир, Эссекс, Норфолк и Саффолк) и большого Лондона. Естественным рубежом, отделяющим южную часть рассматриваемого региона от восточной, является р. Темза. Специфика культурно-исторического развития позволила Барри Канлиффу обозначить рассматриваемые территории как «ядро» острова («*core region*»)¹⁰. Данные территории были географически связаны с континентом и по характеру развития серьёзно отличались от других регионов острова уже в раннем железном веке. В результате именно юго-восток оказался наиболее развитым регионом доримской Британии: здесь раньше всего начались процессы социальной дифференциации, зарождались протогородские поселения (территориальные *oppida*), возникли первые протогосударственные образования («царства») с постепенно усиливающейся властью отдельных правителей — царей и царьков. Торговый и культурный обмен дополнялся установлением политических контактов, прежде всего, с племенами Галлии.

Научная новизна. Диссертация представляет собой первую в мировом антиковедении попытку обобщённого исследования городов юго-востока римской Британии как центров взаимодействия культур. Корпус научной литературы, посвящённой романо-британскому урбанизму, неоднороден: существует две обобщающие монографии, посвящённые крупным и малым городам провинции¹¹; кроме того, есть целый ряд специальных публикаций, посвящённых отдельным городам (прежде всего, Каллеве, Камулодуну и Лондинию). В последние годы интерес к провинциальным городским центрам возрос — были опубликованы работы, анализирующие региональную и территориальную проблематику развития поселений¹². В то же время исследования, которые по поставленным вопросам и территориально-хронологическим рамкам совпадали бы с диссертационной работой, отсутствуют. Некоторые города (Дуроверн, Новиомаг), несмотря на регулярные археологические работы, в последние десятилетия оказались обделены вниманием. В немногих отечественных работах вопросы урбанизации юго-востока римской Британии рассматриваются лишь попутно¹³.

¹⁰ Cunliffe B. Iron age communities in Britain: an account of England, Scotland and Wales from the seventh century BC until the Roman conquest. L.–N.Y., 2005. P. 123.

¹¹ Wachter J. The towns of Roman Britain. L., 1978; Burnham B.C., Wachter J. The small towns of Roman Britain. L., 1990.

¹² Rogers A. Water and Roman urbanism: towns, waterscapes, land transformation and experience in Roman Britain. Leiden; Boston, 2013; Perring D., Pitts M. Alien cities: town and country in Roman Essex. L., 2013.

¹³ Проблемы развития некоторых городов региона затрагивались в работах М.С. Садовской, Т.Б. Перфиловой и О.С. Тихоновой: Садовская М.С. Римская колония Камулодун. К вопросу о романизации Британии // ИИАО. 1991. С. 75–85; Перфилова Т.Б. Роль городов в романизации Британии / Рук. деп. в ИНИОН АН СССР №24987 от 21.04.1986. М., 1986; Тихонова О.С. Население римского Лондона эпохи принципата // Studia Historica. 2001. Вып. 1. С. 114–127;

Новизна диссертационной работы проявляется также в оригинальном концептуальном подходе, развивающем результаты, достигнутые в рамках новейших дискуссий о методологии и теории изучения истории римской Британии. В отличие от большинства современных исследователей провинции автор не отказался от понятия «романизация», но попытался, скорректировав содержание, встроить его в новую, более точную теоретическую оптику «культурного взаимодействия».

Обзор источников. Диссертационное исследование основано на комплексном анализе источников, многообразие которых можно свести к трём крупным группам. К первой относятся произведения античной традиции, вторая включает в себя надписи I–III вв., третью составляют археологические источники.

Свидетельства античных авторов весьма разнообразны. Важную информацию для понимания политического и культурного развития острова накануне римского завоевания, для реконструкции связей бриттских правителей и Рима содержат «Записки о Галльской войне» Цезаря, «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского и «География» Страбона.

В корпусе свидетельств античной традиции о римской Британии особое место занимают сообщения, имеющиеся в «Жизнеописании Агриколы» и «Анналах» Публия Корнелия Тацита. Данные римского историка о деятельности наместников провинции в I в. н.э. позволяют в общих чертах воссоздать военно-политический контекст урбанизации. Отдельного внимания заслуживает рассказ Тацита о восстании Боудикки, в котором фигурируют три крупных города юго-востока Британии — колония Камулодун, муниципий Веруламий и Лондиний. К сожалению, сочинения Тацита сохранились не полностью. Утеряны весьма важные для романо-британских исследований главы «Анналов», связанные с правлением Клавдия и непосредственным завоеванием острова. Эти лакуны можно частично заполнить сведениями из биографий Клавдия, Нерона и Веспасиана, написанных Гаем Светонием Транквиллом, из уцелевших частей и эпитом «Римской истории» Кассия Диона.

Значительную ценность для нашего исследования имеют два памятника II–III вв., дающие географическое описание пространства Империи: «География» Клавдия Птолемея и «Итинерарий Антонина». Их анализ позволяет надёжно соотносить древние топонимы с современными и — с известной осторожностью — делать предположения о правовом статусе и административном значении исследуемых городов.

Наконец, произведения поэтов, писателей и философов ранней Империи (Сенеки, Марциала и других авторов) позволяют изучить отдельные стороны повседневной жизни городов и реконструировать

Тихонова О.С. Римский Лондон эпохи принципата: структура городского хозяйства // Норция. 2003. Вып. 6–7. С. 230–266. В недавно опубликованной книге Н.С. Широковой (Широкова Н.С. Римская Британия. Очерки истории и культуры. СПб., 2016), посвящённой римской Британии, вопросы урбанизации провинции не рассматриваются.

представления носителей античной культуры о цивилизации и городском образе жизни.

Уцелевшие надписи римской провинции составляют важную группу источников данной работы. Значительная часть монументальных и малых надписей опубликована в трёх томах «Римских надписей Британии». Вновь обнаруженные памятники регулярно вводятся в научный оборот Роджером Томлином посредством обобщающих отчётов в журнале «*Britannia*»¹⁴. В зависимости от материала, формы и содержания корпус эпиграфических данных можно разделить на несколько подгрупп. Первую составляют строительные надписи, связанные с сооружением или ремонтом общественных зданий, посвящения богам или императорам, декреты имперских и местных властей, а также эпитафии (надписи на надгробных плитах, саркофагах и других погребальных монументах). Вторая подгруппа включает малые надписи, нанесённые на менее долговечные и прочные материалы (керамику, стекло, кожу, дерево, металлы и сплавы) и имеющие частный характер. С точки зрения содержания они крайне разнообразны. Сюда относятся военные дипломы, хозяйственная документация, клейма мастеров и магистратов, указания на владельцев предмета, обозначения веса и содержимого, следы обучения грамоте, тексты магического характера (обереги, проклятия). Всего в диссертационном исследовании проанализировано 1331 надписи.

Особое значение для исследования романо-британского урбанизма имеют археологические источники. Их можно разделить на несколько подгрупп. В первую подгруппу входят результаты полевых исследований в городах юго-востока, наиболее масштабные из которых имели место в Лондоне, Силчестере, Колчестере и Сент-Олбансе. Вторую подгруппу составляют некрополи и отдельные погребения. К сожалению, не во всех изучаемых городах кладбища локализованы (как в случае Силчестера) и подробно исследованы (как в случае Кентербери). Тем ценнее имеющиеся в нашем распоряжении археологические комплексы — некрополи в районах Кинг Харри Лэйн (Сент-Олбанс) и Стэнвей (Колчестер), восточный некрополь римского Лондона и кладбище в Лэнкхиллс (Винчестер). Для реконструкции начальных этапов урбанизации и культурного взаимодействия важны отдельные погребения местной аристократии (Фолли Лейн, Лексен). Наконец, третья подгруппа включает разнообразные артефакты, обнаруженные как во время полевых исследований, так и случайно¹⁵: комплексы масляных ламп, импортную столовую керамику (прежде всего, стиля *terra sigillata*), украшения и сохранившиеся элементы одежды, служащие этнокультурными маркерами, оружие континентального и местного производства и предметы, связанные с распространением письменности.

¹⁴ Эпиграфические каталоги являются частью общих ежегодных обзоров «*Roman Britain in...*», включающих краткие сообщения о важнейших археологических исследованиях ('*Sites Explored*') и единичных находках ('*Finds*').

¹⁵ Последние учитываются и каталогизируются службой PAS (Portable Antiquities Scheme).

В работе также используются нумизматические источники I в. до н.э. – II в. н.э. Значение бриттских и римских монет для нашей работы различно. Монеты, чеканившиеся бриттскими племенами и царьками, позволяют реконструировать политическую и культурную карту Британии накануне римского вторжения. Имперские монеты служат средством датировки этапов в развитии городов и маркерами торговой и хозяйственной жизни городских центров; особую роль играют подделки, изготавливавшиеся в Лондини и других поселениях провинции¹⁶.

Степень изученности темы. Проблемы культурного взаимодействия Британии и Рима, урбанизации провинции впервые были подняты на рубеже XIX–XX вв. Важнейшую роль в этом сыграла книга Ф. Хэверфилда «Романизация римской Британии»¹⁷. Она стала первой попыткой концептуально, опираясь на термин «романизация», реконструировать историю провинции. Города, по мнению Ф. Хэверфилда, были «мотором» романизации, играли особую роль в распространении римского образа жизни на острове. При этом источниковая база автора была ограничена: единственным систематически исследуемым городом был Силчестер, где вели раскопки Дж. Джойс, Дж. Фокс и У. Сент Джон Хоуп¹⁸. Тем не менее, идеи Ф. Хэверфилда во многом предопределили дальнейшее направление «городских» исследований римской Британии.

Подход Ф. Хэверфилда получил развитие в работах Р. Коллингвуда, Й. Ричмонда, Ш. Фриэра¹⁹. Романизация в них понималась как сложный и динамичный феномен, важное место в котором занимала урбанизация. Реконструкция истории романо-британского урбанизма в данных публикациях основывалась на материалах, полученных во время полевых исследований в Сент-Олбансе, Колчестере, Кентербери и Лондоне. Организация большинства из них была связана с деятельностью М. Уилера, заложившего основы археологического изучения городов юго-востока римской Британии²⁰.

Накопление эмпирических данных привело к качественному переосмыслению истории романо-британского урбанизма в исследованиях Л. Риве и Дж. Уочера²¹. Монография Уочера стала первой книгой, посвящённой

¹⁶ Hall J. With criminal intent? Forgers at work in Roman London // *Britannia*. 2014. Vol. 45. P. 165–194.

¹⁷ Haverfield F. *The romanization of Roman Britain*. Oxford, 1923.

¹⁸ Joyce J.G. On the excavations of Silchester // *Archaeologia*. 1867. Vol. 40 (2). P. 403–416; Idem. Account on further excavations at Silchester // *Archaeologia*. 1881. Vol. 46 (2). P. 329–343. О методологии и значении ранних археологических работ в Силчестере см.: Fulford M., Clarke A., Eckardt H., Shaffrey H. *Victorian excavation methodology: the Society of Antiquaries at Silchester in 1893* // *The Antiquaries Journal*. 2002. Vol. 82. P. 285–306.

¹⁹ Collingwood R.G., Myres J.N.L. *Roman Britain and the English settlements*. Oxford, 1949; Richmond I. *The four coloniae of Roman Britain*. L., 1946; Idem. *Roman Britain*. L., 1995³; Frere Sh. S. *Verulamium: three Roman cities* // *Antiquity*. 1964. Vol. 38 (150). P. 103–112; Idem. *Britannia: a history of Roman Britain*. L., 1967.

²⁰ Wheeler M. *Roman Colchester* // *JRS*. 1919. Vol. 9. P. 139–169; Idem. *London in Roman times*. L., 1930; Wheeler M., Wheeler T. *Verulamium: a Belgic and two Roman cities*. L., 1936.

²¹ Rivet A.L.F. *Town and country in Roman Britain*. L., 1958; Wachter J. *The towns of Roman Britain...* (дополнена и переиздана в 1995 году).

исключительно городам провинции, и не утратила своего значения до сих пор. Некоторые её недостатки — к примеру, недостаточное внимание к проблеме связи доримских поселений и римских городов, чрезмерно обобщённый взгляд на этнокультурный состав городского населения — были связаны с нехваткой археологических свидетельств.

Последние десятилетия XX вв. были отмечены всплеском интереса к романо-британским городам и проблемам урбанизации острова. Археологические изыскания и обобщающий анализ шли нога в ногу. Ряд важных публикаций о римском Колчестере подготовил Ф. Крамми, руководивший полевыми работами в городе²². Р. Ниблетт продолжила начатое М. Уилером и Ш. Фриэром археологическое изучение древнего Сент-Олбанса²³. Исследования А. Дауна существенно расширили имевшиеся представления о развитии римского Чичестера²⁴. Труды, обобщавшие имеющиеся свидетельства о римском Лондоне, были изданы П. Марсденом, Р. Меррифилдом, Г. Милном и Д. Перрингом²⁵. Особенно продуктивными оказались исследования центральных инсул римского Силчестера, продолжающиеся до сих пор под руководством М. Фулфорда²⁶.

Новейший этап изучения романо-британского урбанизма связан с попытками теоретического переосмысления процессов культурной трансформации Британии. Вариативность и региональную специфику урбанизации острова подчёркивал Д. Мэттингли²⁷. В трудах М. Миллетта, Дж. Крайтона делался упор на проблеме взаимосвязи и преемственности бриттских *oppida* и провинциальных городов, подчёркивалось значение «бриттского» фактора в урбанизации острова²⁸. К несколько иным выводам пришли М. Питтс и Д. Перринг, исследовавшие поселения римского Эссекса. По их мнению, города провинции всё-таки оставались чужеродными

²² Crummy P. Colchester: the Roman fortress and the development of the colonia // *Britannia*. 1977. Vol. 8. P. 65–195; Idem. The Roman theatre at Colchester // *Britannia*. 1982. Vol. 13. P. 299–302; Idem. *City of Victory: story of Colchester – Britain’s first town*. Colchester, 1997.

²³ Niblett R. The excavation at ceremonial site at Folly Lane, Verulamium. L., 1999; Niblett R., Manning W., Saunders C. Verulamium: excavations within the Roman town 1986–1988 // *Britannia*. 2006. Vol. 37. P. 53–188.

²⁴ Down A. *Roman Chichester*. Chichester, 1988.

²⁵ Marsden P. *Roman London*. L., 1980; Merrifield R. *London. City of Romans*. Berkeley and Los Angeles, 1983; Perring D. *Roman London*. L.–N.Y., 1991; Milne G. *Roman London*. L., 1995.

²⁶ Fulford M. Silchester: the town life project 1997-2014: reflections on a long term research excavation // *Theoretical Roman archaeology conference 2014* / T. Brindle, M. Allen, E. Durham, A. Smith (eds.). Oxford, 2015. P. 114–121. Некоторые результаты исследований опубликованы в виде отдельных книг: Fulford M., Timby J. *Late Iron age and Roman Silchester. Excavations on the site of the forum-basilica 1977, 1980–86*. L., 2000; Fulford M., Clarke A. *Silchester: city in transition. The mid-Roman occupation of insula IX c. A.D. 125–250/300. A report on excavations undertaken since 1997*. L., 2011.

²⁷ Mattingly D. *An imperial possession. Britain in the Roman empire*. L., 2007. P. 255–350; Mattingly D. *Urbanism, epigraphy and identity in the towns of Britain under Roman rule* // *A Roman miscellany: essays in honour of Anthony Birley on his seventieth birthday* / V.E. Hirschmann, A. Kriekhaus, H.H. Schellenberg (eds.). Gdansk, 2010. P. 53–71.

²⁸ Millett M. *The romanization of Britain. An essay in the archaeological interpretation*. Cambridge, 2005⁸; Creighton J. *Britannia. The creation of Roman province*. L., 2006.

элементами в бриттском окружении²⁹. Проблема идентичности жителей городов римской Британии, ранее редко оказывавшаяся в центре внимания учёных, рассматривается в трудах Л. Ревелл³⁰. А. Роджерс обратился к малоизученным вопросам романо-британского урбанизма — проблеме кризиса позднеримских городов провинции и взаимосвязи городских поселений с источниками воды³¹. Наконец, за последние годы свет увидело несколько публикаций, посвящённых отдельным городским центрам юго-востока Британии. Среди них стоит выделить монографию Л. Уоллес о римском Лондоне, обобщающий обзор истории древнего Колчестера, написанный Э. Гаскойном и Д. Рэдфордом, книги Р. Ниблетт, М. Фулфорда, Н. Холбрука³².

В отечественном антиковедении городам юго-востока римской Британии уделялось мало внимания. Исключение составляют статья М.С. Садовской о Камулодуне и несколько публикаций О.С. Тихоновой, посвящённых хозяйству и населению Лондиния³³.

Несмотря на неослабевающий интерес к истории городов римского Альбиона и постоянное увеличение числа источников (прежде всего, вещественных и эпиграфических), не существует ни одной работы, специально рассматривающей вопрос о роли городов юго-востока в процессах культурной трансформации острова в I–II вв. н.э. Непрерывно продолжающиеся полевые исследования, развитие новых методов и накопление фактического материала позволяют заново осветить некоторые принципиальные моменты истории римской Британии. Пересмотр традиционной теории романизации на фоне широкой дискуссии по поводу проблем постколониализма и неоколониализма свидетельствует об особой актуальности избранной темы. Сказанное говорит о необходимости непредвзятого, строго научного изучения и переосмысления проблем романо-британского урбанизма.

Научно-практическая значимость. Концептуальная основа работы, связанная с авторской трактовкой романизации как процесса взаимодействия культур, важна не только для исследования истории Англии и провинций Римской империи в целом. Она открывает более широкий горизонт для

²⁹ Pitts M., Perring D. The making of Britain's first urban landscape: the case of Late Iron age and Roman Essex // *Britannia*. 2006. Vol. 37. P. 189–212; Perring D., Pitts M. Alien cities: town and country in Roman Essex. L., 2013.

³⁰ Revell L. Roman imperialism and local identities. Cambridge, 2009. P. 67–75.

³¹ Rogers A. Late Roman towns in Britain: rethinking decline and change. Cambridge, 2011; Idem. Water and Roman urbanism: towns, waterscapes, land transformation and experience in Roman Britain. Leiden; Boston, 2013.

³² Wallace L. The origin of Roman London. Cambridge, 2015; Radford D., Gascoyne A. Colchester, fortress of the war god: archaeological assessment. Oxford, 2013; Niblett R., Thompson I. Alban's buried town: an assessment of St. Albans archaeology up to AD 1600. Oxford, 2005; Niblett R. Verulamium: the Roman city of St. Albans. Stroud, 2001; Silchester and the study of Romano-British urbanism / M. Fulford (ed.). Portsmouth, Rhode Island, 2012; The towns of Roman Britain: the contribution of commercial archaeology since 1990 / M. Fulford, N. Holbrook (eds.). L., 2015.

³³ Садовская М.С. Римская колония Камулодун...; Тихонова О.С. Население римского Лондона эпохи принципата...; Тихонова О.С. Римский Лондон эпохи принципата...

понимания сущности «римского империализма» и процессов взаимодействия римско-греческой и варварских культур в огромном европейско-средиземноморском регионе. Романизация в новом понимании может рассматриваться как одна из мини-моделей глобализации, поэтому ее исторический опыт заслуживает самого внимательного изучения. Материалы и результаты данного исследования могут использоваться при подготовке общих и специальных курсов по античности, страноведению и истории культуры.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена на кафедре истории Калужского Государственного Университета им. К.Э. Циолковского и рекомендована к защите на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Основные положения и выводы диссертационной работы прошли апробацию в виде докладов на различных международных и всероссийских конференциях: II и IV международная конференция «Слово и артефакт», СГУ (Саратов, 2010, 2014 гг.), XVIII и XIX Сергеевских чтениях, МГУ (2013, 2015 гг.), II и III авторско-читательская конференция альманаха «Antiquitas Aeterna», ННГУ (Нижний Новгород, 2014, 2016 гг.), научно-практическая конференция «Антиковедение как содружество классических дисциплин в современных исследовательских и образовательных практиках», ННГУ (Нижний Новгород, 2015 г.), «Миусские античные посиделки – V», РГГУ (2013 г.), круглый стол «Центры и периферия древних цивилизаций Востока и Запада: сферы, формы и результаты взаимодействия (IV/III тыс. до н.э. – I тыс.)», ИВИ РАН (2015 г.), международный форум в честь 100-летия со дня рождения А.С. Шофмана, КФУ (Казань, 2013 г.), VIII международная конференция «Проблемы истории и археологии Украины», ХНУ (Харьков, 2012 г.).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Урбанизация юго-востока Британии представляла собой комплексный процесс, характер и содержание которого менялось в зависимости от действия целого ряда факторов. Среди них выделяется три важнейших: «римский», подразумевающий деятельность провинциальной администрации; «бриттский», включающий доримский опыт существования укрепленных поселений, желание и возможности местных элит инкорпорироваться в новые социальные и властные структуры, а также стремление местного населения усваивать римский образ жизни и ценности; географический, предопределявший положение города в сети путей торгового и культурного обмена, влиявший на доступность ресурсов, товаров и ценностей Империи.

2. История колонии ветеранов в Камулодуне делится на два периода, границей которых выступает восстание Боудикки. В период ранней колонии мы наблюдаем попытку сосуществования в пределах одной агломерации двух сообществ: колонистов-ветеранов и бриттов. Слишком быстрые темпы романизации города и окрестностей привели к усилению противоречий между этими сообществами, в результате чего часть бриттов Камулодуна примкнула к восстанию, уничтожившему колонию. После восстановления

Камулодун, сохранив статус колонии, перестал быть поселением ветеранов и потерял роль провинциального центра; прежнее значение утратил «бриттский» фактор — в результате город приобрёл более открытый характер, стал местом взаимодействия различных культур Империи, а его население включало как уроженцев Британии, так и выходцев с континента.

3. Веруламей, получивший статус муниципия в первые годы существования римской провинции, постепенно вырос из доримского Верламиона, сохраняя многие черты поселения позднего железного века. В его развитии значительную роль играли местные традиции, а большую часть жителей города составляли катувеллауны. Элементы римской культуры здесь встраивались в существующую бриттскую основу, что сближает муниципий с южными городами — *civitates*.

4. Уникальным примером урбанизации юго-востока предстаёт Лондиний, самый крупный, самый развитый и самый богатый из всех городов провинции. Он не был связан с доримскими поселениями, основу его населения составили переселенцы с континента разных занятий — чиновники, торговцы, ремесленники, военные; в процессе взаимодействия разных традиций формировалась новая идентичность — «лондиниец», которую мы встречаем в эпиграфике. Возвышение Лондиния предопределил географический фактор (поселение возникло на пересечении важнейших водных и сухопутных путей острова) и политика провинциальной администрации, которая выбрала Лондиний в качестве базы прокуратора, превратив его в торговый и финансовый центр острова.

5. «Бриттский фактор» играл важную роль на первых порах романизации земель Южной династии; вдохновителем этого процесса выступал царь атребатов, Тиберий Клавдий Тогидубн, пользовавшийся поддержкой имперских властей и лично Нерона. Инициативы Тогидубна во многом определили дальнейшее развитие городов региона. Самым развитым и романизированным оказалась Каллева, выбранная царём в качестве центрального города своих владений во многом из-за выгодного положения. В тени Каллевы и дворцового комплекса Фишборна оказался Новиомаг; медленнее остальных развивалась Вента бельгов. В городах Тогидубна постепенный и последовательный процесс романизации сочетался с преемственностью целого ряда доримских традиций, носителями которых выступало бриттское большинство городского населения.

6. Определённой спецификой обладало развитие Дуроверна: выгодное географическое положение не привело к быстрому превращению в типичный провинциальный город. Характер синтеза элементов римской культуры и местных традиций предопределялся внутренними факторами, в частности, позицией местных элит. Сохраняя значение важного транзитного пункта в сети торговых контактов, Дуроверн оставался в большей степени поселением кантаиков, чем римским городом.

7. Изучение процессов урбанизации юго-востока провинции позволяет понять специфику общих перемен, происходивших в римской Британии. Своеобразное взаимодействие местной и римской культур вместе с

географическим фактором предопределили характер интеграции Британии в Империю и не столь значительное, как на континенте, распространение римского образа жизни.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списков сокращений, использованных источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** объясняется актуальность темы диссертации, определяются объект и предмет исследования, формулируется цель и задачи работы, её территориальные и хронологические рамки, формулируются методология и концептуальная основа работы, указывается научная новизна.

Первая глава **«Проблемы взаимодействия культур и развития городов римской Британии в историографии»** (с. 48–109) представляет собой подробный анализ историографических аспектов романо-британского урбанизма.

Первый параграф **«Дискуссия о романизации и проблемы культурного взаимодействия в романо-британских исследованиях»** посвящён романизации, важнейшей концептуальной конструкции, на десятки лет определившей интерпретации романо-британского урбанизма (и общую трактовку истории провинции). Важнейшую роль в появлении данной теории сыграл Ф. Хэверфилд³⁴. Он всю историю провинции рассматривал как воздействие римской культуры на бриттов, результатом чего стало постепенное распространение имперского образа жизни на острове и превращение Британии в провинцию не только по названию, но и по существу. Важнейшую роль в этих процессах сыграли города. При этом сколь-нибудь чёткого и ясного определения романизации Ф. Хэверфилд не предложил³⁵. С лёгкой руки учёного она стала стержневым понятием для дальнейших исследований: вокруг термина строились реконструкции истории римской Британии в трудах Р. Коллингвуда, Ш. Фриэра и других учёных. Полномасштабная ревизия концепции романизации началась с публикацией монографии М. Миллетта³⁶. Романизация в трактовке М. Миллетта — это процесс диалектических изменений, а не воздействия одной «чистой» культуры на другую. В результате этих изменений происходил синтез культур, продукты которого и являются проявлениями романизации³⁷. Пересмотр привычного понятия стал предметом продолжительной дискуссии в англоязычной науке, по итогам которой получило распространение скептическое отношение к романизации как к концепции эпохи колониализма, упрощающей историческую действительность³⁸. Вместо

³⁴ Haverfield F. The romanization...

³⁵ Ibid., p. 12–13, 19–20.

³⁶ Millett M. The romanization...

³⁷ Ibid., p. 1.

³⁸ E.g., Mattingly D. An imperial possession... P. 12.

устаревшей теории предлагалось использовать новые концепты (креолизации, бриколажа, идентичности, глобализации), предположительно точнее описывавшие культурные перемены, происходившие в римской Британии. Помимо этого, пересмотр устоявшихся теоретических посылок привёл к расширению междисциплинарных связей. Однако проявились и негативные последствия дискуссии, самое главное из которых — излишне критическое отношение к самому слову «романизация». Понятно желание избавиться от колониальных стереотипов и интонаций. Но зачастую критиковались искажённые интерпретации термина «романизация», что не способствовало уяснению проблемы по существу.

Во втором параграфе **«Особенности культурного взаимодействия в городах римской Британии: историографический аспект»** рассматривается история изучения городов юго-востока римской Британии. Её можно разделить на несколько периодов. Начальный, включающий среди прочих труды Ф. Хэверфилда, Р. Коллингвуда, Ш. Фриэра, М. Уилера, характеризуется исследованием романо-британского урбанизма как аспекта процесса романизации и зарождением систематических полевых работ с городскими памятниками. Логическим итогом этого периода стала монография Дж. Уочера, с выходом которой «городские» штудии получают новый импульс. Масштабные проекты исследований римских слоёв Колчестера, Сент-Олбанса, Силчестера, Лондона существенно обогатили корпус источников и способствовали изменению представлений об урбанизации юго-востока острова. Теоретическое переосмысление истории римских городов региона связано с рядом работ современных исследователей — М. Миллетта, Дж. Крайтона, Д. Мэттингли, М. Питтса, Д. Перринга.

Новейший период изучения романо-британского урбанизма характеризуется рядом черт. Во-первых, общепризнанным стал тезис о вариативности развития городов острова и региональной специфике существования каждого из них. Во-вторых, сохраняет свою силу мнение о том, что города, возникшие после римского завоевания, играли важную роль в культурных процессах, происходивших в провинции (т.е. были инструментами романизации). В работах, основанных на отказе от концепции романизации, города оказываются пространствами, в которых формируются новые идентичности, местами, находящимися в сложных отношениях с окружающими территориями. В-третьих, в большинстве исследований основное внимание обращается на эволюцию архитектуры города и его экономическое благосостояние. Реже в фокус исследования попадали вопросы о городском населении.

Как нам представляется, сейчас в исследованиях романо-британского урбанизма сложились все условия для перехода на качественно новый уровень. В распоряжении учёных находится большее количество разнообразных источников, чем раньше; корпус материальных памятников и эпиграфики (в меньшей степени) постоянно пополняется, позволяя увидеть проблему с новых ракурсов. Методология исследований усложнилась — в дополнение к общему подходу, основанному на идее романизации,

появилось несколько новых. Наиболее продуктивными и интересными нам представляются два — подход, позволяющий рассмотреть вопросы преемственности городов с поселениями доримской эпохи и роль бриттских элит в процессе урбанизации (Дж. Крайтон), и подход, базирующийся на реконструкции идентичностей городского населения с помощью комплекса различных материальных источников (М. Питтс и Д. Перринг).

Третья глава **«Колония ветеранов, муниципий и финансовый центр провинции: города к востоку от Темзы»** (с. 110–185) посвящена урбанизации территорий бывшего Восточного царства, заселённых племенами катувеллаунов и триновантов.

Первый параграф **«Этнополитический контекст урбанизации юго-востока римской Британии»** представляет собой обзор истории региона в течение ста лет между экспедициями Цезаря и походом Клавдия. В это время на юго-востоке острова происходят важные перемены: интенсифицируются торговые и культурные контакты местных племён с континентом, в Британии распространяются новые традиции и технологии, усложняется социальная структура бриттских сообществ, всё большую роль играет военная аристократия. На юго-востоке формируются два протогосударственных образования — Южное и Восточное «царства». Правители первого вели своё происхождение от Коммия, бывшего союзника Цезаря, бежавшего в Британию после подавления восстания Верцингеторига. Восточное царство основал Тасциован, силой объединивший племена триновантов и катувеллаунов. И Восточная, и Южная династия (равно как и другие правители доримской Британии) находились в тесной связи с Империей. Рим и принцепс выступали покровителями бриттских царьков и могли быть арбитрами в междинастических спорах. В свою очередь, бриттские аристократы усвоили отдельные римские обычаи и ориентировались на средиземноморско-античный стиль жизни. Процесс присоединения Британии, начавшийся в 43 г. н.э., выглядел как ряд военных операций против некоторых враждебно настроенных правителей Восточной династии (Каратака и его братьев), отказавшихся подчиниться римской власти. В то же время племенная элита юга и части восточных земель, продемонстрировавшая лояльность Риму (как это сделал Тогидубн), сохранила в результате завоевания свою власть и территории ещё на несколько десятилетий. Таким образом, позиция местных элит стала одним из обстоятельств, определивших ход урбанизации, начавшейся после того, как театр военных действий переместился на северо-запад.

Во втором параграфе **«Camulodunum Colonia Victricensis: специфика возникновения и развития»** исследуется развитие колонии ветеранов в Камулодуне — первом городе римской провинции. Колония была основана в 49 г. н.э. на месте центральных районов доримского *oppidum*, бывшей столицы Восточного царства. История римского Камулодуна делится на два периода восстанием Боудикки 60/61 гг. н.э. Ранняя колония была населена ветеранами и бриттами, принявшими новую власть, причём часть местных элит могла иметь серьёзное влияние на жизнь образовавшегося

полиэтнического поселения. Таким образом, в городе с самого основания имели место не только процессы распространения римской культуры, но и смешения традиций. Обратной стороной этой «имплантации» колонии в сердце доримского поселения стал конфликт между ветеранами и большей частью бриттского населения. Камулодун должен был стать административным центром всей провинции: наглядным подтверждением этих планов провинциальной администрации и местных амбиций был строившийся храм Клавдия. Уничтожение колонии Боудиккой навсегда изменило его судьбу: на первый план в скором времени выдвинулся Лондиниум. После восстановления в последние десятилетия I в. н.э. Камулодун оставался одним из крупных центров юго-востока Британии, местом встречи и сосуществования различных культур и этносов. Сравнение с другими ветеранскими колониями Британии — Линдом (совр. Линкольн) и Глевом (совр. Глостер) — позволяет увидеть специфику развития Камулодуна. Обе колонии, выведенные в конце I в. н.э., были основаны на «пустом» месте, вдали от сложившихся в доримскую эпоху крупных поселений. Как в Линде, так и Глеве, роль бриттских традиций в развитии и жизни городов минимальной. В нашем распоряжении нет источников, которые бы позволили предположить, что бритты составляли хоть какую-то относительно заметную часть городского населения. Сами колонии, сохранившие стены бывших лагерей (видимо, был учтён негативный опыт Камулодуна), оставались для бриттского окружения «чужеродными» образованиями. Можно предположить, что закрытый характер корпораций колонистов Глева и Линда во многом ограничивал возможности экономического и культурного развития. Соответственно, в сравнении с Камулодуном незначительным было место данных колоний в процессах взаимодействия культур и роль в романизации провинции.

В третьем параграфе, «**Муниципий Веруламий**», анализируется история Веруламия, единственного муниципия римской Британии (Тас., анн., XIV, 33). Римский город, как и Камулодун, возник на месте Верламиона, поселения катувеллаунов. Конкретные обстоятельства основания поселения неизвестны, так же как нет окончательного ответа на вопрос, когда Веруламий получил статус муниципия. Нам представляется, что права муниципия могли быть дарованы Верламиону и его знати Клавдием в исключительном порядке за особую помощь в покорении Британии. С первых лет римской власти в развитии Веруламия особую роль сыграли местные традиции: так, городская планировка и пространство долгое время были ориентированы на богатое погребение бриттского аристократа в районе Фолли Лэйн. Представляется, что основу городского населения составили катувеллауны, жители бывшего Верламиона, что способствовало поддержанию преемственности сакральных и повседневных традиций. Процессы романизации и смешения культур долгое время не затрагивали основы бриттской идентичности. Римские элементы в архитектуре, в хозяйстве, в сакральной сфере, в повседневной жизни словно «нанизывались» на исходный бриттский каркас, постепенно переплетаясь и

«сживаясь» с ним. При этом в Веруламии могли жить и работать выходцы из других регионов империи (как известный нам из надписи грек Орей или безвестный владелец мортாரии Аттика), но их влияние и место в городской общине вряд ли были значительными. В этом смысле Веруламий серьёзно отличается от колоний и Лондиния и оказывается ближе к городам юга Британии.

Четвёртый параграф **«Лондиний — нетипичный центр провинции»** посвящён крупнейшему городу провинции. В отличие от Камулодуна и Веруламия, он возник в 40-х гг. возле удобной переправы через р. Темзу, на свободной территории. Обстоятельства основания Лондиния неизвестны и до сих пор являются предметом споров. Гипотезы по данной проблеме можно разделить на две группы: «военную» (город вырос из форта или военных складов) и «торговую» (первый Лондиний был посёлком торговцев). Представляется, что эти версии происхождения римского Лондона в сущности не противоречат друг другу. Военский лагерь, база снабжения, торговые лавки и склады возле пристаней могли возникнуть практически одновременно и некоторое время сосуществовать — стратегические резоны военачальников совпадали с чутьём коммерсантов. Ключевым моментом в истории Лондиния стало восстание Боудикки. Город был разрушен, но восстановлен быстрее, чем Камулодун и Веруламий. Это было связано с изменением провинциальной политики Рима. Во многом благодаря деятельности Юлия Классичана в обновленной и восстанавливающейся провинции Лондиний получил новую роль (Тас., ann., XIV, 38; RIB, I, 12). Город стал базой для прокуратора и его свиты, а на рубеже I–II вв. утвердился в статусе административного центра провинции.

Выгодное географическое положение и административное значение города предопределили этническую пестроту его населения. Лондиний был самым «имперским», наиболее романизированным в провинции городом. Сюда стекались торговцы и ремесленники из Греции, Италии, Галлии, люди, так или иначе вовлеченные в управление провинцией — прокураторы и наместники, их помощники, члены семей и рабы, ветераны, офицеры и солдаты, находившиеся в городе постоянно или бывавшие в нём для выполнения поручений (как один из центурионов когорты тунгров: TV, I.154). В этой среде формировалась новая идентичность, связанная с принадлежностью к городу, а не к племенной общине (RIB, III, 3014). Бриттам было сложнее стать частью городской общности, чем в других центрах юго-востока: чтобы быть «лондинийцем», требовалось покинуть привычные социальные структуры, перестать быть «катувеллауном» или «атребатом». Вследствие этого число бриттов среди жителей города было незначительным, а следов проникновения местных традиций в повседневность немного (и они, видимо, ограничиваются религиозно-культурной сферой). Лондиний был космополитичной столицей римской Британии, образцом романизации, но при этом городом чужеродным для острова и исключением, не похожим на другие поселения провинции.

В четвёртой главе «**Урбанизация южной Британии**» (с. 186–239) рассматриваются обстоятельства возникновения и процессы развития городов к югу от Темзы — Каллевы, Венты бельгов, Новиомага и Дуроверна.

В первом параграфе «**Тиберий Клавдий Тогидубн: царь и клиент Рима**» проанализированы свидетельства о последнем правителе Южной династии, сыгравшем важную роль в жизни римской провинции I в. н.э. Тиберий Клавдий Тогидубн, вероятно, приходился родственником царю Верике и вскоре после 43 г. получил власть над племенами регнов и бельгов. Чуть позже, после реорганизации римскими наместниками завоёванных территорий юго-востока власть Тогидубна распространилась на земли атребатов и Каллеву. При этом гипотеза о тождественности Тогидубна из Южной династии и Тогодумна из Восточной нам представляется безосновательной. Правление Тогидубна на юге Британии характеризовалось активным строительством и распространением римской культуры: среди памятников, связанных с царём, выделяется дворцовый комплекс в Фишборне. Без деятельности Тогидубна невозможно представить первые десятилетия урбанизации юга Британии.

Во втором параграфе «**От царства Тогидубна к центрам *civitatium*: Каллева, Новиомаг и Вента бельгов**» рассматривается развитие трёх городов, расположенных на землях Южного царства. Наиболее крупный и изученный из них — Каллева атребатов. Доримская Каллева представляла собой единственный бриттский *oppidum* с регулярной планировкой. С римским завоеванием она оказалась включена в состав царства Тогидубна и начала перестраиваться. Представляется, что Каллева Тогидубна «выросла» из поселения доримского времени и лояльные новой власти атребаты составили значительную часть городских жителей. Образец отношения к Риму был показан самим Тогидубном, власть, амбиции и возможности которого (наглядным проявлением которых стал дворец в центре города) — вкуче с удобным расположением самой Каллевы — привлекали в регион торговцев и ремесленников с континента. Царём и его окружением была задан импульс процессам культурного взаимодействия, в результате которых местная аристократия, подобно семье Таммониев (RIB, I, 67, 87), превратилась в достойных римских граждан. После смерти Тогидубна и реорганизации царства Каллева продолжала развиваться как типичный провинциальный город, однако темп и масштабы этого развития уступали царскому «замаху». Этому способствовал комплекс причин: находящийся неподалёку Лондиниум был связан с большим числом важнейших дорог провинции и к тому же был ставкой прокуратора, что делало его привлекательнее для активных переселенцев с континента. Внутренняя же причина, на наш взгляд, заключалась в живучести, стойкости местных культурных традиций, которые (вместе с их приверженцами) не растворились в мире Империи. Каллева была городом, в развитии которого своеобразно сочетались местные и имперские элементы.

Несколько иным было развитие других городов, возникших на территории царства Тогидубна, — Новиомага и Венты бельгов. Новиомаг

возник в самом центре владений Южной династии, возле р. Лавант. Он не был напрямую связан с доримским поселением (предположительно находившемся между Чичестер Дайкс и Селси). Основание нового города по времени совпадает с началом строительства дворца в Фишборне; инициатором этих проектов был, по всей видимости, Тогидубн. Комплекс в Фишборне должен был стать резиденцией царя, центром его владений, в то время как Новиомаг оказывался своеобразным городом-спутником Фишборна: здесь жили ремесленники, услуги которых были необходимы при строительстве дворца (RIB, I, 91). Облик города начинает меняться после реорганизации царства и превращения города в административный центр общины регнов. О населении Новиомага известно немного. Некоторые надписи содержат типичные для Империи имена. Вполне обычен для западных провинций и погребальный инвентарь некрополя Сент-Панкрас (зеркала, украшения, импортная посуда), что свидетельствует о распространении среди жителей города имперской культуры и привычек.

Венте бельгов предшествовал *oppidum* в Орэм Арбор, расположенный возле р. Итчен. В первое десятилетие римской власти особых изменений в регионе не произошло, видимо, всё внимание царя было приковано к Фишборну, Новиомагу и Каллеве. В 50–60-х гг. на западном берегу реки Итчен, на некоторых участках и по соседству с ним появились первые признаки нового поселения: деревянные строения жилого и хозяйственного назначения, появляются земляные укрепления. Однако развитие Венты как города начинается лишь в 70–80-х гг., когда царство Тогидубна исчезает. В результате реорганизации владений последнего правителя Южной династии Вента превращается в административный центр округа бельгов. На смену небольшому деревянному поселению, возникшему без определённой системы, приходит провинциальный город с регулярной планировкой улиц, форумом и общественными зданиями. Большую часть жителей Венты составляли представители местных племён, медленно перенимающих новый образ жизни. Присутствие переселенцев и носителей других культур было незначительным. Тем не менее, город времён Флавиев и Антонинов, несмотря на весьма скромные размеры и масштаб развития, не был изолирован от других регионов Империи, от влияния имперской культуры.

В целом характер развития городов, возникших в царстве Тогидубна, несколько отличался от судьбы поселений к северо-востоку от Темзы. Здесь изначально внутренний, бриттский фактор играл не меньшую роль, чем внешний. Направление и содержание урбанизации было задано бриттским правителем и его окружением, имперские власти первоначально принимали активное участие (особенно при Нероне), но не руководили. В большей степени это касается Каллевы и Новиомага, в меньшей — Венты. Деятельность провинциальной администрации вышла на первый план лишь в 70-80-х гг., когда после смерти Тогидубна понадобилось реорганизовать территории, бывшие под его властью. В результате Каллева, Новиомаг и Вента стали центрами *civitatium*. Их последующее развитие, судя по всему, опиралось на внутренние ресурсы.

Третий параграф «**Дуроверн кантиаков**» посвящён истории римского Дуроверна. Город возник на месте доримского поселения. Располагаясь на торговых путях, связывавших провинцию с континентом, Дуроверн остался сравнительно небольшим поселением. При этом развитие города было поступательным, его — в отличие от Веруламия, Камулодуна и того же Лондиния — не прерывали крупные пожары и другие бедствия. Первые десятилетия римской власти Дуроверн практически не менялся, хотя его значение в транзитной торговле росло благодаря стабилизации морских связей с континентом. К концу I в. н.э. Дуроверн отстраивался в соответствии с провинциальными образцами; при этом образ жизни жителей города менялся незначительно. Занятия, способы выразить свою идентичность и продемонстрировать статус, рацион питания — всё это не претерпевало серьёзных изменений по сравнению с кануном римского вторжения. В повседневной жизни города и общины кантиаков элементы имперского образа жизни сочетались с местными традициями. Влияние последних было сильнее, поэтому римский Кентербери был, в первую очередь, поселением кантиаков, а уже во вторую — римским городом.

В **заключении** сформулированы общие выводы, сделанные в ходе исследования.

Приложение включает себя карты, планы городов и несколько наиболее значимых надписей с переводом.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и образования РФ:

1. Барышников А.Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в английском антиковедении / А.Е. Барышников // Вестник ННГУ. — Нижний Новгород: ННГУ. — 2012. — Вып. 6 (3). — С. 200–211.
2. Барышников А.Е. Империя наносит ответный удар? «Археологические диалоги» и очередной виток дискуссии о романизации / А.Е. Барышников // Вестник ННГУ. — Нижний Новгород: ННГУ. — 2015. — № 1. — С. 17–24.
3. Барышников А.Е. Изучение городов римской Британии в новейшей британской историографии / А.Е. Барышников // Проблемы истории, филологии, культуры. — Магнитогорск: МаГУ. — 2016. — №2. — С. 128–145.

В прочих изданиях:

1. Барышников А.Е. Головы римских императорских статуй в реках Альбиона: к проблеме интерпретации источников / А.Е. Барышников // Античный мир и археология. — Саратов: СГУ. — 2010. — Вып. 14. — С. 163–172.

2. Барышников А.Е. *Camulodunum Colonia Victricensis*: рождение и гибель провинциального центра / А.Е. Барышников // *Античный мир и археология*. — Саратов: Издательство СГУ. — 2011. — Вып. 15. — С. 148–159.
3. Барышников А.Е. Катувеллауны и римляне: развитие Веруламия в I-II вв. н.э. / А.Е. Барышников // *Studia Historica*. — М. — 2011. — Вып. 11. — С. 190–202.
4. Барышников А.Е. История римской Британии без романизации: концепция Д. Мэттингли / А.Е. Барышников // *Studia Historica*. — М. — 2012. — Вып. XII. — С. 284–295.
5. Барышников А.Е. Концепт идентичности в современных исследованиях римской Британии / А.Е. Барышников // *Antiquitas Aeternae* / Под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка. — Нижний Новгород: Издательство ННГУ. — 2014. — Вып. 4. — С. 373–388.
6. Барышников А.Е. От Франкенштейна к Дирку Джентли: поиск нового в романо-британских исследованиях / А.Е. Барышников // ПЕНТИКОНТАЕТИА. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвящённый юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / Сб. ст. под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка, А.А. Сеницына. — М.: Алькор Паблишерс, 2016. — С. 267–275.
7. Барышников А.Е. Сколько нужно Тогидубнов для покорения Британии? / А.Е. Барышников // *Древности 2014–2015*. — Харьков: Издательство ХНУ. — 2015. — С. 38–48.

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Подписано к печати 24.11.2016. Формат 60x84/16.

Печать трафаретная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 1,5. Тираж 120 экз.

Отпечатано «Наша Полиграфия»,
г.Калуга, Грабцевское шоссе, 126.